

Эльчин Сафарли

Запрет на себя

*Часть сборника
Тысяча и две ночи. Наши на
Востоке (сборник)*

Эльчин Сафарли

Запрет на себя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4934931

Тысяча и две ночи. Наши на Востоке. Рассказы и повесть: АСТ, Астрель; Москва; 2010
ISBN 978-5-17-064990-7, 978-5-271-26790-1, 978-5-17-065049-1, 978-5-271-26826-7

Аннотация

«Детство – это начало большой книги жизни. Именно там закладывается дальнейшее развитие сюжета. Конечно, его нельзя переписать, но можно же смягчить, дополнить, так чтобы избежать трагических последствий...»

Содержание

Предисловие	4
* * *	5
1	7
2	8
3	9
4	10
5	11
6	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Эльчин Сафарли

Запрет на себя

Повесть

*Когда жизнь отнимает у тебя все, кроме жизни...
Той, которую люблю всем сердцем*

Предисловие

Я долго думал, писать ли к этой повести предисловие. Тема, которой она посвящена, щепетильна, и в ее контексте любое мнение будет субъективно и может только спровоцировать новые споры. Но я рискну. Хочу коротко объяснить дорогому читателю, почему я решил опубликовать эту историю.

Работа над повестью длилась около полугода. Я проводил бесчисленные дни за прослушиванием кассет, на которых герой повести рассказывает о своей судьбе. Детстве, юности, взрослении. Качество записи порой было настолько низким, что мне приходилось обращаться к помощи профессионалов, восстанавливая слово за словом повествование. К тому же мой невидимый собеседник использует разные языки, и мне потребовались долгие лингвистические изыскания, чтобы понять все сказанное. К чему была такая дотошность? Я боялся хоть как-то повлиять на искренность героя. Потому что искренность важнее всего не только в жизни, но и в творчестве.

Благодаря материалу этой повести я по-новому увидел, как сильно люди умеют ненавидеть и как велика их способность выживать в условиях самой жуткой травли и абсолютного, космического одиночества. Изложение каждой главы стоило мне не одной бессонной ночи. По правде сказать, я непрерывно испытывал потрясение. Это шокирующее повествование вдруг предстало передо мной как жизненный путь одного человека. Как особое мировоззрение, основанное на глубоких переживаниях. И никто не имеет права объявлять это мировоззрение хорошим или дурным.

Быть другим – это на всю жизнь. Это значит быть с начала и до конца наедине с собой, терзаясь своей особой участью. Есть немало людей, изгнанных за пределы социальной приемлемости, незаслуженно осужденных за «чужеродность». Эта повесть сейчас мне видится провозглашением права каждого быть таким, какой ты есть, и быть понятым, и насколько возможно – принятым. Эта повесть – не исповедь больного человека. Это история одиночества, которая может быть близка очень многим людям, вне зависимости от их сексуальной ориентации.

Я верю в толерантность.

Я верю в любовь и прощение.

Я верю в то, что каждый имеет право быть счастливым.

Эльчин Сафарли,

2 августа 2009 года

* * *

Есть два рода сострадания. Одно – малодушное и сентиментальное.

Оно в сущности не что иное, как нетерпение сердца, спешащего поскорее избавиться от тягостного ощущения при виде чужого несчастья.

Это не сострадание, а лишь инстинктивное желание оградить свой покой от страдания ближнего.

Но есть и другое сострадание – истинное.

Оно требует действий, а не сантиментов.

Оно полно решимости, страдая и сострадая, сделать все, что в человеческих силах и даже свыше их...

Стефан Цвейг

17 января 2009 года

Около двух часов дня

Суетливый курьер DHL спрашивает мое имя, после чего протягивает коробку, обернутую в желто-красный фирменный полиэтилен.

«Подпишите здесь».

Расписываюсь в нужном месте, не глядя, одновременно изучаю графу с адресом отправителя. Посылка отправлена из офиса незнакомой компании в небольшой азиатской стране, где у меня нет ни родственников, ни друзей, ни даже знакомых.

Имя с фамилией отправителя тоже ни о чем не говорят.

«Простите, а откуда посылка?» – я в полном недоумении, но под многозначительным взглядом курьера послушно выворачиваю карманы джинсов в поисках мелочи.

«В накладной указано».

Парень, получив вознаграждение, быстро уходит, а я не без опаски, но снедаемый любопытством, распаковываю посылку.

Кассеты. Хм...

Маленькие диктофонные кассеты марки Sony.

Потрепанные, с помятыми наклейками. 14 штук. Дело принимает прямо-таки детективный оборот.

Надо отыскать мой старый диктофон.

Черт, куда же я его засунул? Наверное, в один из ящиков письменного стола... Принимаюсь за раскопки и замечаю кое-что еще. Под кассетами сложенный лист обычной офисной бумаги. Сопроводительное письмо?

Написано на английском.

Мелкий почерк, фиолетовые чернила.

* * *

«Я не могу отпустить прошлое, не рассказав эту историю. Мою историю. Может, вы посчитаете ее неприличной, грязной, извращенной. А может – примете как нелепую и несправедливую правду. Честно говоря, я не рассчитываю на это... Нет, это ложь. Ибо если бы не верил в вашу душевность, то не стал бы посылать кассеты именно вам. Как разыскал адрес, не имеет никакого значения.»

Я рассказывал эту историю безжизненному диктофону по ночам, воображая, что рядом со мной тот, кто трепетно слушает, не обвиняя и не задавая вопросов. Тот, кто понимает мою боль, не жалея меня. Тот, кого я мог бы называть Другом. Просто Другом...

Если мои записи дадут вам материал для книги, я не буду против. Я даже хотел бы, чтобы кто-то смог избежать ошибок, научившись на моем опыте, – так моя жизнь прибавила бы в цене. Принято считать, что искренность оправдывает любое изложение. Я надеюсь, что оправдываю себя, делясь столь личным, тяжелым, неприятным, но настоящим.

Но если кто-нибудь когда-нибудь спросит вас о подлинности этой истории – скажите, что вы ее выдумали. Все равно тот, кто не хочет видеть правду, никогда ее не увидит, какие бы доводы ему ни приводили.

Спасибо.

С уважением, К.Ч.»

* * *

Иногда между словами возникают продолжительные паузы, наполненные повседневным шумом. Щелчок зажигалки, выдох сигаретного дыма, трель мобильного телефона, звук закрываемого окна, звон чайной ложки по стенкам кружки или попросту долгое молчание, прерываемое всхлипами или судорожными вздохами.

У него крепкий молодой голос. Слегка растягивает окончания слов, временами начинает сильно смягчать согласные, слышны слащавые восточные интонации. Рассказывает он живо, но сумбурно. Быстро теряет ход мыслей, иногда даже бросает повествование на полуслове и включает какую-нибудь песню. Нины Симон, Офры Хазы, либо сам что-то напевает.

Иногда он переходит на турецкий, иногда использует персидские слова и выражения. Это похоже на шифр – разные уровни секретности повествования. Предположить, какой язык для него родной, совсем не сложно, но это не имеет ровно никакого значения. Таких, как мой рассказчик, немало в разных уголках земли.

В голосе огромная усталость, словно он вот-вот опустит руки от бессилия, отказываясь идти дальше. Но спустя пару минут он словно решает не бросать якорь на этом отрезке жизни и, покинув ветреную палубу, спешит к каюте капитана с возгласом: «Эй, первый после Бога, нам нельзя останавливаться. Плыдем дальше...»

Слушая его, я сопереживаю, но не жалею. Слушая его, непроизвольно перемещаюсь туда, где он находится, становлюсь его собеседником. Тем самым Другом, с которым не обязательно разговаривать, можно и просто помолчать под томное раскуривание тоскливой сигареты...

1

*Если пуля пробьет мой мозг, пусть она же откроет все запертые
двери.*

*Я прошу, чтобы движение продолжалось, потому что дело не в
личной победе,*

не во власти и не в тщеславии.

Дело в людях.

Харви Милк

– Мне хочется вернуться в детство, хотя боли там намного больше, чем во взрослой жизни. Да, тогда я был беззащитным, забитым, такой изнеженный худышка-изгой, не раз изнасилованный дворовыми ребятами. Представляешь, в детстве я думал, что это нормально, когда тебя подлавливают в темном углу, суют в рот соленый на вкус член, заставляют обсасывать его, как леденец, пока не выпрыснет мутно-белая жидкость. Если откажешься или наябедничаешь взрослым, тебя где-нибудь обязательно поймают, искалечат. Рано или поздно. Если повезет, только до полусмерти...

Однажды возвращался со старшей сестрой Назирой из школы. Душистый весенний день, моросил теплый дождь, наполняющий почти волшебным ощущением, как будто ты не принадлежишь этому миру, живешь своим временем, идущим вразрез со временем вокруг тебя. За нами увязалась пушистая дворняжка, белая, с черным пятном на правом ухе, даже сейчас помню. Мы спешили к большой чинаре, под необъятной кроной которой можно было укрыться от дождя, а заодно покормить псину остатками завтрака, залежавшегося в наших ранцах...

Они появились неожиданно. Из какого-то закоулка. Трое старшеклассников. Видимо, шли за нами от школы. Кто-то мне свистнул. Я обернулся. Узнал самого крупного из троих. Сын местного начальника полиции, занимается борьбой. Угрюмое смуглое лицо, широкие сросшиеся брови. В школе его сторонились... Он подмигнул, кивнул головой, мол, подойди-ка. «Пошли с нами». – «Не могу. Я должен проводить сестру. Она одна боится идти». – «Пусть сама идет, а ты давай к нам. Разговор есть».

Я понял, что это за разговор и о чем. Я не хотел идти с ними. Я хотел, чтобы сегодняшний день стал особенным. Мы бы пришли домой, похлебали маминого супа, а потом побежали бы на речку. Весной она, разбухшая от талых вод, невероятно красива. «Не пойду с вами!» Они громко захохотали. Один из них, низкорослый, с тонкими губами, схватил меня за затылок, прошипел на ухо: «Тогда твою сестру завтра мы проводим, уродец». Страшно. Жалко. Всею конец. Этому дню. Мечтам этого дня...

Сказал Назире, чтобы она отправлялась домой. «Забыл тетради в школе. Хорошо, ребята напомнили... Ты беги, пока не стемнело, вот, возьми мой завтрак, дай собаке... Скажи маме, скоро буду». Спустя десять минут я делал им минет на заброшенной стройке. Сначала эти твари пытались отыметь меня в зад. Самое болезненное. Умоляя, выторговал минет. Одновременно троим. Повезло. Они кончили, застегнули брюки, ушли, ублаженно посмеиваясь. А я еще долго плакал под дождем... Пес, видимо, не пошел за сестрой. Он появился неожиданно, лег рядом, долго не сводил с меня печальных глаз...

Поверь, каким бы ужасным ни было мое детство, я бы хотел снова оказаться там. Для чего? Попытаться изменить что-нибудь. Уберечь маму от перенесенного позора... Детство – это начало большой книги жизни. Именно там закладывается дальнейшее развитие сюжета. Конечно, его нельзя переписать, но можно же смягчить, дополнить, так чтобы избежать трагических последствий...

2

– Видишь, вся квартира в куклах? Мой фетиш родом из детства. Всю свою первую зарплату я потратил на кукол. Я тогда уже переехал в Большой город. Зашел в крупнейший детский магазин, накупил самых разных кукол. Не каких-то особенных, ну тех, что с натуральными волосами, в эксклюзивных платьицах. Выбрал самых обычных. Потому что в детстве я играл с дешевыми куклами, точнее, с их подобиями. Они были из вонючего пластика, с непропорциональными ногами, косо нарисованными глазами, торчащими во все стороны синтетическими волосами. Родители дарили сестре именно такие игрушки – мы жили бедно, отцовской зарплаты не хватало. Мама не работала: женщина по мусульманским обычаям должна заниматься домом, семьей...

Ночью, когда все засыпали, я тайком брал кукол у сестры, играл с ними под одеялом с включенным фонариком. Причесывал, заплетал косички, оборачивал в разноцветные тряпки, так напоминающие вечерние платья. Только эти несколько ночных часов я жил настоящей жизнью, которая родилась вместе со мной. Внутри. Еще в материнской утробе...

Я превращал уродливых кукол в красивых девочек, потому что сам мечтал стать красивой девочкой. С длинными волосами, миниатюрной «пещеркой» между ног, с влажным взглядом из-под насурьмленных ресниц. Одним словом, лепил саму себя. Сказка заканчивалась утром. Когда твердело между ног от желания пописать, когда видел в зеркале мужавшее лицо, поросшее подростковым пушком...

В глубине души завидовал сестре. Я до безумия ее любил и одновременно ненавидел. Считал, что она отняла мою природу, мой женский пол, мой девичий облик. Назира должна была быть сыном, а я дочерью...

На Востоке многие думают, что гомосексуализм – психическая болезнь приобретенного характера. Чуть редкостная! Поверь мне, я отчетливо помню себя четырехлетним ребенком, и какой был шок во время обрезания. Нет, не от боли. Я всего лишь недоумевал, почему мне делают то, что не делают девочкам? Спросил у мамы. Она ударила по губам...

В детстве понял: таких, как я, ненавидят. Обычно ненавидят всех, кто не такой, как все. Меня ненавидели особой ненавистью – в мусульманской стране мужчина должен вести себя по-мужски с малых лет. А я был хрупким созданием с изящными пальцами, пухленькими алыми губами, писклявым голоском, не отходил от материнской юбки и избегал мужских компаний. Мог играть, общаться с мальчишками только в присутствии девочек. Они защищали меня, относились как к *своей* – учили разрисовывать руки хной, делать цветы из фольги, обучали танцу живота. Я, в свою очередь, запугивал их рассказами о размере мужского достоинства. Они ахали-охали, хихикали, испуганно смотрели себе ниже пояса, задаваясь немым вопросом: «Как этот гигантский шайтан помещается туда?..»

Я был настоящей ошибкой природы. Видимо, во время формирования моего пола произошел сбой во всемирной системе. Всевышнему захотелось в туалет, отошел на секунду, доверив работу помощникам-ангелочкам, а они, воспользовавшись отлучкой руководства, заигрались с облаками... Пора отказаться от сигарет, кашель замучил. Никогда не кури – привычка скверная, а завязать сложно.

3

– Сначала меня избил отец. В восемь лет. Застукал в маминой чадре. Я вертелся перед зеркалом, кокетливо шурил глаза, неряшливо подведенные сурьмой. Мама с сестрой уехали к тетке, оставили меня с отцом, который в тот день вернулся с работы раньше обычного. Открыл дверь своим ключом, а я, придурок, в эйфории своего «дефиле» не услышал щелчка...

Никаких слов. Никаких чувств. Он стоит в дверном проеме с остекленевшим взглядом, через мгновение зазиявшим пустотой разочарования. Будто увидел правду, в которую долго отказывался верить...

Отец подходит, срывает чадру. Оглушительная пощечина. Грубая рука рабочего, сухая мозолистая кожа. Падаю на пол, он бьет меня ногами. Шок проявляется смехом. Я хохочу, отчего удары усиливаются. Мне смешно от осознания того, насколько наивен отец. «Ты еще многого не знаешь, папочка»...

Он не знал того, что его родной брат, мой дядя, при каждом удобном случае приставал ко мне. Прижимал к стене, хватал за попу, внюхивался в шею, обтираясь своим небритым лицом. Не осмеливаясь на большее, запихивал пару купюр в мой карман. За доступность или молчание? Черт знает. Я брал эти бумажки, покупал на них телячьи хвосты оценившейся Бурсе, хромой дворняге удивительного оленьего раскраса, и сладости сестре. Мне самому деньги были не нужны. Я нуждался только в куклах, свободе и, наверное, любви. Я тогда просто не знал, что значит быть любимым. Хотелось попробовать на вкус...

Он не знал того, что прямо под его носом я занимался петтингом с кузенком Мустафой, когда он приезжал в гости. Нас, мальчишек, укладывали на полу, рядом с дровяной печью, тогда как моя кровать доставалась кому-нибудь из аксакалов. Всю ночь, под уютное потрескивание поленьев, мы ласкались под одеялом, надрачивали свои членчики, кончая еще сизой юношеской спермой друг на друга. Мустафа не был геем. Ему просто хотелось секса – о досвадебных отношениях с девушкой он и не мечтал. На Востоке мальчишки часто познают секс с мальчиками...

Отец бьет меня, пока мой смех не сменяется хрипами. Теряю сознание. От боли. Прихожу в себя и вижу, что лежу в кровати. Я переодет. В чистую одежду. Рядом сидит отец и... плачет. Беззвучно, лишь слезы текут. «Пить хочешь?» Утвердительно киваю. Подносит к моим разбитым губам алюминиевую кружку с ледяной водой. Из колодца. Мама для нас ее подогревала... «Как себя чувствуешь?» – задал отец второй вопрос. Мертвым голосом. «Нормально», – ответил я и закрыл глаза. Притворился, что заснул. Отец вышел из комнаты. Покурить...

Я пролежал в постели неделю. Мама делала мне компрессы из отварной теплой свеклы, натирала гематомы маслом фенхеля, сестра поила ромашковым отваром. О произошедшем никто не заговаривал. Это нормально. Сын, переодевающийся в женскую одежду, – позор для любой восточной семьи. У нас сор из избы выносят только в особых случаях, если, к примеру, дело касается чести женской половины рода...

Синяки от отцовских ударов до сих пор болят, вопреки прошедшим годам. Они не видны, но живы. С того дня я больше не называл его папой. Только отцом. С того дня отец больше не называл меня сыном. Только по имени...

4

– Мне не нужно понимания. Честно. В жизни любого гея наступает момент, когда уже нет сил объяснять, отвоевывать, подстраиваться, искать истину, получив которую, надеешься смириться со статусом «ошибка природы». Нет, это не отчаянье превосходит борьбу. Это вообще конец борьбы между природой и внутренним «я». Ничья. Суть наконец-то воссоединяется с образом, после чего является та самая гармония...

Душевная гармония гея совсем не похожа на общечеловеческую. Гармония гея – смех сквозь боль. Просто принимаешь боль, с детства сковывающую сердце, понимая, что она такая же неотъемлемая часть тебя, как, например, рассудок... Я достиг этой гармонии, переступив тридцатилетний рубеж. Разобрался с прошлым – больше не мучает. Теперь спокойно о нем говорю. Лишь во сне возвращается боль воспоминаний...

Боюсь засыпать. Страшные вижу сны с примесью реальности почти каждую ночь. Подруга Ханде рекомендует обратиться к психологу. «Тебе может помочь только специалист». Мне может помочь только специалист, а? Где они раньше были, все эти специалисты? Отказываюсь. Я не доверяю психологам. За их лживыми, вроде бы понимающими взглядами нет ничего, кроме безразличного превосходства... Говорят, геи во всех видят врага. Отчасти согласен. Мы не верим окружающим, потому что многие из нас так и не научились верить себе. Не в себя, а именно себе! С чем это связано? Может, с тем, что геи в детстве недополучают тепла, как бы хорошо к ним ни относились? Одиночество с пеленок делает из нас изгоев, не умеющих доверять. Долго проверяем, испытываем, присматриваемся...

Вокруг меня есть люди, искренне сопереживающие мне. Без пафосных слов. Поддерживающие теплыми прикосновениями, вовремя поднесенной зажигалкой, заваренным кофе, внезапным объятием. Это в основном самостоятельные женщины. Дружба гея с геем редкость... Но все равно ни одно дружеское объятие не излечит гея от вечного одиночества.

Вот только не подумай, что я специально выпендриваюсь перед тобой на тему «вот какие мы, гомосексуалисты, великие страдальцы», добиваясь, чтобы меня пожалел весь мир. Отнюдь. Мне только нужно все кому-то рассказать. От и до. Странно: тебе, чужому, чуждому по сути мужчине-гетеросексуалу, легко открываюсь. Может, из-за того, что тебя никогда не увижу? Или ты такой талантливый слушатель?..

...Зажигалка барахлит. Жаль, нет спичек. Забыл купить. Обожаю звук чиркающих спичек. Я бы записал его на пленку и сделал бы саундтреком своей жизни – такое периодическое чирканье и вспышка, и снова темно, вспышка и темно...

5

– Так хочется прикупить себе облегающие боксерки. Безумно сексуально смотрятся. Но не могу. Вынужден надевать свободное нижнее белье – от стрейчевого тут же появляются спазмы в паху. Если быстро не вколоть спазмолитик, могут начаться кровяные выделения из члена. Врачи связывают это со сдавленностью сосудов в паховой области. Убедился, какой я особенный?

Они долго пытались выяснить причину такой реакции организма, пока я не рассказал им, что много лет стягивал бедра жгутом. Особенно летом, в пору одежды из легких материалов. Не хотел, чтобы у меня между ног что-то торчало. Тогда как мои сверстники гордо мерялись членами в школьных раздевалках, я ненавидел то, чем, казалось бы, должен гордиться любой парень. Прости, нескромно прозвучит, но хуй у меня довольно-таки выдающийся, от отца достался. Выпирал из-под брюк, уродуя девичью изящность моих бедер...

В сарае отыскал широкий кусок жгута, ими отец обматывал винные бочки в первые шесть дней брожения винограда. Помыл самодельный «корсет» мылом и каждый день, перед выходом из дому, стягивал им голые бедра. Ненавистный член больше не был виден, да и талия становилась более совершенной. Не снимал «корсет» даже летом, в сорокоградусную жару, пока однажды чуть не умер от инфекции. Жгут натер живот, образовалась рана, а я не придавал значения. Неожиданно ночью поднялась температура до сорока одного, пошли судороги. Меня спасла соседка-повитуха, которую мама призвала на помощь. Она сбила жар холодным уксусом, промыла рану настоем тысячелистника, принесла какие-то антибиотики. Про жгут так никто и не узнал...

В подростковом возрасте, когда у меня набухла грудь, я уже полюбил свое тело. Нескладное, чуть полненькое, зато очень женственное. Я представлял себя в облегающих вечерних платьях из черного атласного шелка, на высоченных каблуках, в черных очках и с элегантно собранными волосами. Этот образ однажды увидел в одном европейском журнале, который пролистал в доме тетушки Сезен. Она была бездетной портнихой, шила религиозную одежду, а ее муж, моряк со стажем, плывал в год по два раза в Европу...

Переходный возраст сказался на мне не прыщами, а полнотой – резко набрал в весе. Если сначала комплексовал, то спустя время понял, что этот, казалось бы, минус является знаком плюс. Многие восточные мужчины предпочитают не худощавых мальчиков-геев, а полненьких. Как сказал Кенан, один из моих любовников: «Кайфа больше, когда возьмешься за плотного парнишку. Во-первых, есть за что потрогать, под руками чувствуешь тело, а не кости. Во-вторых, секс больше походит на секс с женщиной...»

Сначала я не понял Кенана, но жизненный опыт подтвердил его правоту. Ведь приходили ко мне простые деревенские мужчины, которые, поверь моим словам, хотели баб, а не мужчин. Но из-за того, что восточные женщины (кстати, по своей природе плотной комплекции) достаточно консервативны в сексе, а проститутка в радикальной мусульманской деревне почти нонсенс, мужчины ищут себе подобие женского тела. То есть полненьких пассивных мальчиков с женским нутром. Я считался идеальным вариантом, тем более что шикарно владел ориенталом и любил женскую одежду. Помню, как приходил на встречи с Кенаном в мамином нижнем белье, которое профессионально подворовывал. Кстати, и в постели он называл меня женскими именами...

...А видишь, какой я худой сейчас? Веяние гребаной моды. Современный гей непременно должен быть изященьким. Прошло время пассивных пампушек...

6

– Если ты не такой, как все, то тебя обязательно подавят массы. На пару месяцев, на десяток лет или, быть может, до последнего вздоха. В любом случае определенное время, пока природа снова не возьмет верх над разумом, ты будешь уподобляться большинству. Где-то в тринадцать я решил стать похожим на своих сверстников. Первым долгом принялся подавлять женственность, буквально выпирающую из меня предательскими ужимками, струящуюся непостижимой радиацией...

Начал следить за движениями рук, укрощать манерность. Перестал при разговоре проводить пальцами за ухом, будто убирая спадающий на лицо локон волос. Начал управлять взглядом, до того момента непроизвольно оценивающим красоту мужских тел. Теперь смотрел исключительно вперед и назад, ни в коем случае по сторонам. Это давалось особенно трудно, когда мимо проходил смуглый красавец с натруженными руками, мускулистым торсом...

Начал подолгу не бриться, облизывать губы на холодном ветру, чтобы те брутально потрескались, утяжелил походку громоздкими ботинками. Побольше бесформенной одежды темных оттенков, только бы слиться с толпой. Сейчас вспоминаю об этих потугах стать другим – как же много отчаяния в них было. На тот момент я уже настолько устал от унижений и плевков вслед... От того, что маленькие дети на поводу у взрослых бросают в меня камни, а одноклассники презрительно называют меня женскими именами. Чувствовал себя селекционно-выведенной собачонкой с двумя хвостами, оказавшейся в стае чистокровно породистых псов...

Старался молчать, не открывать рта, лишь бы как можно меньше народу услышало мой голос. Самый позорный голос на свете. В нем было столько девичьего, не оформившегося. Поэтому с двенадцати лет подсел на сигареты – самодельные самокрутки без фильтра, они стоили дешево. Выкуривал по пачке в день, с каждой затяжкой все сильнее надеясь на то, что голос огрубеет и я смогу говорить без страха быть осмеянным...

Но знал: надолго меня не хватит. Так и получилось. Слишком ярким было женское начало. Природу не одолеть. Вода рано или поздно найдет самую крошечную щель, обязательно вырвется на свободу... Я уставал от болезненного внимания, в глубине души осознавая, что оно мне... нравится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.